

ПРИНЦИПЫ АРХЕТИПИЧЕСКОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МИФА

С.А. Маленко

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

E-mail: beresten@mail.ru

Рассматриваются принципы бессознательного освоения индивидом окружающего мира, в основе которых находится феномен имажинирования содержаний человеческой души. Его первичным элементом выступает двунаправленный процесс, именуемый «перенос-контрперенос», позволяющий, с одной стороны, гармонизировать экзистенциальное пространство человека, а с другой, в случае бессознательного вытеснения неосвоенных содержаний мира, становится естественным проводником становления сознания. В связи с этим анализируется ключевой механизм «переноса» – бессознательная проекция. Так или иначе, направленность бессознательных проекций человека позволяет определить специфику современного бытования мифа.

Сосуществование человека и мира предполагает как их сродность, так и нетождественность, определенную оппозиционность друг другу. Такое положение обусловлено тем, что мир предстает для человека внешним объектом, с которым он вступает в определенную систему взаимоотношений. Причем познание окружающей действительности является не только источником разнообразных знаний, но и провоцирует возникновение комплекса реакций, эмоционально окрашивающих как мир, так и человеческое знание о нем. Именно таким образом и формируется внутренний мир индивида, духовный потенциал человечества.

Глубокое и серьезное освоение внешнего мира как одну из своих предпосылок предполагает самопознание – процесс, в котором человек, распрямивая свое внутреннее содержание, наводит мосты между собой и окружающим. Поиски знания часто обречены на неудачу из-за определенного изначального несовершенства человеческой природы. Видение индивидом объекта далеко неадекватно его реальному состоянию, что обусловлено несовпадением сознательных и бессознательных мотивов людских действий. Подобные ситуации говорят о том, что бессознательное в обход сознания получает возможность проецирования на внешний объект субъективного содержания, которое, как правило, не имеет шансов быть раскрытым посредством сознания. Это и имел в виду М. Мамардашвили, подчеркивая, что «иррациональность вкрадывается в превращенное выражение лишь при определенных условиях (например, при самоотчуждении человека в его деятельности ...)» [1. С. 273]. Проекция – это результат отчуждения от индивида субъективных содержаний, в определенной степени воплощающихся в объекте. Таким образом, формируется «имаго» этого объекта, выражающее субъективное к нему отношение. Чем менее дееспособным оказывается сознание, тем активнее и разнообразнее становятся бессознательные имаго. Их возникновение обусловлено комбинациями личностных переживаний и архетипических образов коллективного бессознательного.

Идентификация личности с архетипом представляет собой один из источников существенного увеличения психической энергии. Как указыва-

лось, даже вполне зрелое Эго-сознание не в состоянии полностью контролировать архетипы бессознательного, выполняющие роль форм для накопления и разрядки психической энергии. Достаточно соответствующего раздражителя и они легко активируются и проецируются. Итак, каждый раз при встрече индивида с фигурами, символами или ситуациями, имеющими архетипический аналог в его душе, соответствующий архетип немедленно начинает действовать, проецируя свою энергию на внешний объект. В результате человек ощущает, что объект или ситуация приобретают для него таинственную силу или очарование маны.

Перенос имаго-образа на объект предполагает их последующее отождествление, обусловленное автономностью имаго как бессознательного продукта, с одной стороны, и автономностью объекта внешнего мира, с другой. Имаго всегда стремится к полному слиянию с объектом, в процессе которого «идентичность объекта и субъективного имаго, придает объекту определенное значение, которое ему, собственно говоря, не принадлежит, но которым он извечно владеет из-за того, что эта идентичность является абсолютно изначальным фактом» [2. С. 181].

По мнению К.Г. Юнга первобытное отождествление субъекта и объекта, закрепленное в структурах коллективного бессознательного, выступает необходимым начальным этапом процесса «во-мления», определяет его характер и особенности. Подобное отождествление свойственно некритическому сознанию, неспособному к демаркации субъекта и объекта, объекта и его окружения. Ради выяснения сущности предмета крайне необходим выход за его пределы. Именно подобная отстраненность позволяет увидеть истинный смысл предмета, отличающийся от субъективных представлений.

Человек принципиально способен вычленять сущностные особенности объекта на основе информации органов чувств, определенные же трудности в познании обусловлены субъективным опытом, влияющим на восприятие. Чем более эмоционально-ценным и значимым является видение индивидом объекта, тем с большей вероятностью можно говорить о том, что то или иное свойство объекта является проекцией. Более того, сам

объект провоцирует формирование проекции общностью одной из своих черт со свойствами бессознательной субъективной фигуры. Эта особенность является главной предпосылкой отождествления имаго с объектом.

Априорная идентичность имаго и объекта обуславливает принятие его индивидом в качестве своего внутреннего объекта. Утверждая свое видение объекта как единственно истинное, человек предоставляет этому образу возможность и право господствовать над собой. Хотя внешне сохраняется иллюзия властвования объекта над индивидом, на самом деле же над ним довлеет бессознательное имаго, приобретающее внутренне определяющую силу. Многообразие объекта побуждает субъективное сознание к постоянной максимальной концентрации на нем. Постепенно человек попадает в плен к объекту, как в сфере бессознательного в качестве проекций, так и в области сознания. Именно поэтому таким объектам имаго придает слишком большую ценность и значимость, и даже уничтожение объекта не означает его полного исчезновения. Такая ситуация способна не только приостановить развитие индивида, но и обратить его вспять.

Процесс проецирования имеет две составляющие – перенос и контрперенос. С их помощью закрепляются эмоциональные отношения субъекта и объекта, с одной стороны – перенос, и объекта с субъектом, с другой – контрперенос.

Бессознательные содержания проецируются в начале на конкретных людей и жизненные ситуации, часть которых возвращается к индивиду в виде распределенных субъективных образований, остальные, при отделении их от первичного объекта, переносятся на другие объекты. Следует отметить, что оба процесса, как специфические формы проецирования, возникают хаотически и могут быть обнаружены на любом из уровней социальных связей – индивидуальном, межличностном, групповом. Поэтому было бы некорректным рассматривать эти феномены только лишь как побочные явления психоаналитического лечения.

Как перенос, так и контрперенос возможны в следствие интуитивной настроенности индивида на Другого. Объем переносимого субъективного содержания должен подкрепляться адекватным эмоциональным откликом со стороны объекта переноса. Так возникает контрперенос, предполагающий, что объект переноса не осознает специфического к нему отношения субъекта. Юнг считает, что подобные явления обязаны своим существованием так называемому «сродному либидо». «Сродное либидо, все еще вызывает удовлетворяющее чувство совместной принадлежности друг другу. Но, оставаясь инстинктивным, оно никак не удовлетворено любой простой заменой, такой, скажем, как общая вера, партия, нация или государство. Оно взыскует человеческой связанности. Это – ядро всего явления переноса, и это совершенно невозможно оспорить, поскольку отношение с Самостью есть тотчас

же отношение с равным себе человеком, но никто не может быть связан с ним, пока он не связан с самим собой» [3. С. 163].

Механизм проецирования не может быть оценен однозначно. Как явление бессознательное проекция является действенным началом, определенным преобразующим полем. Она предоставляет возможность постепенной эволюции личности от бессознательной идентификации с объектом к ее во-самлению, полному избавлению от власти проекций. Причем, в качестве проводника этого процесса определен символ.

Как правило, обыватель в обычной жизни не ощущает остроты внутренних конфликтов за счет временного их подавления сознанием. Наоборот, в ситуациях телесных или душевных кризисов, когда элементарное физическое существование угрожает превратиться в неразрешимую проблему, приходит осознание, что заполоненность индивида объектом является его собственным бессознательным продуктом, оформленным в виде проекции. Субъективные содержания, постоянно оцениваемые, но до конца так и не осознаваемые отдельным человеком, переносятся им на внешнее окружение, где господствуют коллективные формы поведения. Знак проекции в большей степени определяется внутренними особенностями субъекта, чем воздействиями объекта. Так, если проекция отвечает ожиданиям индивида, то ей приписывается конструктивный, позитивный смысл. Именно так человек для «внутреннего пользования» создает группу положительных проекций с пометкой «свои». А от проекций с отрицательным знаком он стремится решительно отмежеваться, активно противопоставляя «своим» «чужих». Пра-природа проекций привязывает к себе пассивного субъекта, сводя все многообразие достижений столетия «индустриального индивидуализма» к примитивной стадной коллективности.

Личность, не овладевшая сложной системой самоидентификации, не может рассчитывать даже на поверхностный анализ собственных проекций. Субъекту крайне необходимо приблизиться к возможности распределенности тех содержаний, которыми он наделял объекты окружающего мира и мир в целом. В начале следует осмыслить незначительные проекции, затем те, которые поднимают из глубин бессознательного архетипические ценности. В процессе освобождения из под власти проекций индивид может столкнуться с ситуацией, когда его «Я» окажется под угрозой растворения в содержаниях коллективного бессознательного.

Возвращение осознанных архетипических проекций к своим истокам ведет не только к слиянию бессознательных компонентов личности, но и к переориентации самого «Я». К.Г. Юнг называет этот процесс «интеграцией архетипа» или «расширением сознания» [5. С. 103].

Процесс самопознания приводит к отвязыванию субъектом своих проекций и их возвращению

в свою вотчину. Из царства обусловленности и детерминизма «Я», таким образом, попадает в мир самореализации и свободы. Следует отметить, что, проходя столь сложный путь, человек все больше отделяется от остальных. Он возвышается над тем, что зовется «человеческим», вплотную сталкиваясь с реальностью одиночества. Именно такая цена определена человечеству в качестве платы за духовный прогресс.

Познание индивидом своей внутренней природы проходит в социальном пространстве, в сложной системе общественных связей, отражающих многообразие эволюции духовного мира человека. Логично было бы предположить, что процесс имажинации, особенности которого были описаны выше, может быть отслежен и при анализе цепочек взаимодействий индивида с социальными структурами, с той лишь разницей, что по мере расширения включенности личности в водоворот групповых, партийных, государственных отношений качественно изменяется уровень проецирования, оказывающий существенное влияние на все без исключения формы проявления человеческой духовности. Следует особо подчеркнуть глобальный характер процесса имажинации, поскольку в истории общественной мысли уже предпринимались попытки изучения рассматриваемого феномена, однако, лишь в рамках отдельных областей общественного сознания. Речь идет об анализе К. Марксом особенностей функционирования экономической системы в рамках теории прибавочной стоимости [6]. Наряду с этим Ф. Энгельс, исследуя проблему происхождения «чистой» идеологии, отмечал, что она образуется путем выведения понятий, представлений о действительности не из нее самой, а из ее видения субъектом; выведение свойств предмета происходит «... не путем обнаружения их в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия предмета» [4. С. 90]. М. Мамардашвили, оценивая теоретический вклад марксизма в разработку проблемы «превращенных форм сознания», указывает на недостаточность трактовки «превращенности» только как продукта становящегося сознания. [1. С. 380]. Подчиненное положение философии в период господства догматического марксизма наложило отпечаток на уровень понимания проблем взаимодействия субъекта и объекта в рамках процесса духовного освоения индивидом окружающей его социальной реальности и не позволило в полной мере раскрыть гуманистический потенциал как собственно теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, так и творческих разработок других социальных мыслителей.

Изучение комплекса разнообразных связей человека как с обществом в целом, так и с теми или иными социальными институтами, должно строиться с учетом механизмов эволюции и функционирования процесса имажинации на индивидуальном, групповом и глобальном уровнях. В противном случае исследователь рискует оставить вне поля зрения бессознательные общественные детер-

минанты, без изучения которых невозможно говорить о знании природы социального, о прогрессивном, гуманистически ориентированном изменении общественного бытия, об оценке и прогнозировании перспектив его развития. История предшествующих и особенно нынешнего столетия изобилует примерами разномасштабных социальных экспериментов, осуществлявшихся как раз при полном или частичном подавлении и игнорировании скрытых сторон человеческой натуры.

Нарастающее многообразие форм социального отчуждения побуждает индивида к созданию проекций не только на межличностном, но и на всех других уровнях его взаимодействия с социумом. Таким образом, общественная жизнь оказывается наводненной проекциями различной степени общности, значимость которых определяется мерой их признания в качестве непререкаемых авторитетов большим или меньшим количеством людей. В результате создается положение, когда социальная действительность заполняется превращенными формами, продуцирующими и навязывающими индивидам, в силу первобытной и неразвитой природы проекций, извращенные представления о различных сторонах общественного бытия, наглухо закрывающими им пути познания подлинной сущности человека, мира и смысла их взаимоотношений. Можно утверждать, что на пороге нового тысячелетия налицо кризис различной степени интенсивности, охвативший практически все превращенные формы социальности. Квинтэссенцией всех проекций и превращенных форм выступает миф как наиболее цельное, завершенное образование, вершина коллективного бессознательного творчества, единственно способный гармонизировать отношения между человеком и миром, человеком и человеком, человеком и обществом.

В мифах находят свое выражение абсолютные ценности. В них представлены парадигмы всех видов человеческой деятельности. Стабилизирующая роль мифа заключается в его способности поддерживать ощущение причастности к миру богов, миру предков, являющейся тем решающим моментом, способным удержать общественный организм, находящийся в кризисной ситуации, от окончательного краха. Кроме того, миф – главный источник сакрального опыта, соприкасаясь с которым, человек приобщается к Вечности, сообщающей смысл его существованию. Миф намекает человеку на скрытые от него самого тайны его естества, предлагает варианты их познания – так индивид приобретает первичные представления о реальном и нереальном, учится отличать правду от лжи, значение от бессмыслицы. Предлагая действенную модель взаимоотношений индивида со средой, миф придает им высший смысл. Таким образом, мир предстает совокупностью индивидуальных проекций, с одной стороны, и ареной сложных и противоречивых взаимодействий превращенных форм как продуктов коллективно-бессознательного творчества разношерстных социальных групп, с другой.

Упорядочивающая мир, символическая, сложноорганизованная знаковая система мифа способствует оптимальному ориентированию человека в хаосе социального бытия, приобщению к его фундаментальным истинам. Искусственный, надстраиваемый над обычной речью язык мифа служит наиболее адекватной формой выражения бытия мира проекций. Отраженный в мифе практический опыт предков имеет коллективный характер, поэтому, осваиваемому внешнему миру и вступающему в жизнь новому поколению он рекомендуется как достаточно надежный и прошедший испытание временем, требующий веры, а не нуждающийся в проверке.

Отчески опекая человека, миф помогает ему творить новый мир, таким образом, присутствуя вообще в каждом виде человеческой деятельности. Пребывая под властью мифа, индивид находится в плену коллективных представлений и групповых настроений. Потенциально миф настолько богат, что способен приковывать к себе внимание человека от рождения до самой его смерти, создать убедительную иллюзию полнокровной духовной жизни, при этом начисто лишая индивида возможности личностного развития.

Описываемый тип мышления «избавляет» человека от необходимости постоянного учета и анализа комплекса многообразных причинно-следственных связей окружающего мира. А структура мифа выводит индивида из сферы действия формально-логических законов, освобождает его от бремени свободы, от постоянной необходимости выбора. Это удобный способ подмены личной ответственности за свою судьбу, за судьбы близких, за судьбы человечества коллективной безответственностью и круговой порукой, характерными для социальных организаций всех типов и уровней.

В мифе нет места противоречиям, а действительно существующие проблемы сведены к адаптированным для неструктурированного сознания шаблонным ситуациям, которые интерпретируются с помощью образов. Итак, одной из главных задач мифа является гармонизация совокупности оформленных коллективных проекций с реальной действительностью, преодоление разрыва между

«частями» человека и «частями» мира, человеком и обществом, человеком и Универсумом. Структура мифа, с одной стороны, является отражением структуры человеческого, с другой — она демонстрирует уровень понимания индивидом окружающего мира и своего места в нем. Безусловно, миф предоставляет человеку солидные гарантии сохранения стабильности его внутреннего мира, но он же требует за это, в качестве платы, полного отказа от стремлений к самоутверждению; принуждает человека всецело отдалиться под свою власть, вырывая его из реального времени и помещая в собственное безвременье.

Поскольку индивидуальные проекции с течением времени подвергаются изменениям, человек постоянно нуждается в процедуре корреляции бессознательных имаго с коллективными образами мифа. Этот процесс осуществляется в рамках ритуала, где эмоции и иные психические реакции личности помещаются в жесткие рамки, обусловленные общественными установлениями и культурными традициями. Таким образом, индивид используется всего лишь как средство для реализации коллективных целей для поддержания символической связи различных форм сосуществования Космоса и Человека.

Несмотря на отмеченную антииндивидуальность мифа, следует указать, что к проблеме изучения человека необходимо подходить только с учетом как рациональных, так и иррациональных компонентов его природы. Одни лишь логически выверенные определения не способны адекватно описать действительность и удовлетворить исконное человеческое любопытство. Рациональность и доказуемость — далеко не единственные основания познания. Они скорее способны разрушить этот процесс, если за ними не скрывается нечто иное, потустороннее, сакральное. Стоит признать, что миф оправдывает свое существование в качестве вместилища индивидуальных и коллективных проекций, а его время в духовной эволюции человечества приходит или в период неразвитости средств сознания, или всякий раз, когда на определенном этапе социального и личностного развития они исчерпывают себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1992. — 416 с.
2. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. — М.: Наука, 1996. — 269 с.
3. Зеленский В.В. Аналитическая психология. Словарь. — СПб.: Б.С.К., 1996. — 326 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1981. — Т. 20. — 828 с.

5. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. — М.: Наука, 1996. — 269 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1981. — Т. 23. — 908 с.

Поступила 21.05.2006 г.